

ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ. ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

В июне 2004 г. в Москве в Государственном университете — Высшей школе экономики состоялась дискуссия на тему «Образование в XXI веке. Тенденции и вызовы».

Участники дискуссии

Ярослав Иванович Кузьминов — ректор ГУ ВШЭ

Евгений Федорович Сабуров — научный руководитель Института развития образования ГУ ВШЭ

Анатолий Аркадьевич Пинский — директор школы № 1060, директор Центра социально-экономического развития школы ИРО

Давид Львович Константиновский — руководитель сектора социологии образования и молодежи Института социологии РАН

Лев Ильич Яковсон — первый проректор ГУ ВШЭ

Елена Наумовна Пенская — заместитель главного редактора «Русского журнала»

Исаак Давидович Фрумин — координатор образовательных проектов Всемирного банка

Андрей Александрович Фурсенко — Министр образования и науки Российской Федерации

Я.И. Кузьминов

Каковы перспективы образования в мире к 2012 г.?

В этом разговоре мы можем затронуть несколько вопросов. Первый из них — спрос, который общество предъявляет к системе образования: кто будет востребован через несколько лет, изменятся ли по сравнению с сегодняшним днем его параметры, параметры профессиональной подготовки?

Второй вопрос — это тенденция развития технологий самого образования. Необходимо учитывать, что новые информационные технологии существенно расширяют образовательные рынки. При очень большом расширении и удешевлении доступа в сеть можно ли говорить, что к концу рассматриваемого периода в развитых и примыкающих к развитым странам препятствием для дальнейшего развития науки будут не материальные и не технологические причины? Интернет исключает непосредственное общение, а получить полноценное знание можно только путем непосредственного живого контакта.

Третья проблема — ресурсы и ресурсное обеспечение. Стандартные принципы адаптации экономической системы — это формирование и выход на рынок с законченными технологиями. На эти технологии ресурсов хватает. А если у нас не хватает ресурсов для того, скажем, чтобы обеспечить автомобилями все население России, мы ими обеспечиваем одну десятую часть. В образовании, так же как и в здравоохранении и в некоторых других социальных секторах, мы финансируемся где-то на треть. Я бы хотел поговорить о перспективах этого ресурсного обеспечения и о переменах в образовательном пространстве в связи с изменением его ресурсного обеспечения.

Ну и, наконец, четвертый вопрос. Как соотносить тенденции российского образования с успехами в науке? Это потенциально имеет прямое отношение к нашему рынку. Например, на нашем рынке высших менеджеров российское образование роли не играет, мы импортируем высших менеджеров с Запада. Именно там они получают образование и системное обеспечение. И если каким-то чудом мы начнем здесь массовое строительство, ну например, технологичных предприятий, я твердо уверен, что у нас будет та же ситуация, потому что уровень технологической подготовки, культуры, дисциплины, которую задает среднее и особенно начальное образование, не обеспечивает квалификацию менеджеров. Я говорю даже не о знаниях, а о навыках чистой работы.

Л.И. Якобсон

Попытаюсь обозначить некоторые тезисы. Первый из них — проблема зависимости трансляции знаний и формирования компетенций. В нашей стране в свое время этот переход был задержан

просто потому, что некая стилистика всякой общественной деятельности в стране была законсервирована экономистами, как мы с Ярославом Ивановичем хорошо знаем. Вопрос не в марксистах с какими-то догмами, а в том, что стиль экономического писания был стилем XIX в. Существовали законсервированные образцы. Именно такие «консерванты» действовали и в образовании. Но, в общем, некий сдвиг к компетентностному подходу сейчас происходит.

И в этой связи я как раз перехожу к вопросам, которые обозначил Ярослав Иванович Кузьминов. Спрос общества, причем не только в России, но и в целом в мире, — это все менее спрос на формальные титулы образования или на суммы знаний, на абстрактно умных людей. Это все более спрос на людей, что-то умеющих делать и не обязательно руками — возможно, в сфере интеллектуальной, творческой. Но тем не менее оценивается уже спрос не на абстрактного эрудита, не на даму, приятную во всех отношениях, и даже не на профессионала. Это специфицированный спрос на того, кто что-то умеет.

В разных общественных обстоятельствах, в разных странах этот спрос различный, поскольку специфицирован он везде по-разному. И во многом выбор (не только для российского образования, но и для России, российского общества) связан с тем, какого рода спецификация будет осуществлена здесь. Углубляется международное разделение труда, и соответственно требуются разные компетенции. Конечно, есть и будет некая абстрактная востребованность, к примеру, образования — она идеологическая. И какой-нибудь президент в Африке, он тоже всегда за образование, тем более, что можно обойтись неким псевдообразованием — всеобщим высшим, но его страна, его общество, его экономика потребуют других компетенций. А высокоразвитая демократическая страна, где существует высокотехнологичная экономика, требует своих компетенций. И хотим мы этого или не хотим, такого рода дифференциация уже идет, углубляется и в перспективе будет углубляться. Дифференциация углубляется и внутри стран, особенно развивающихся, таких, как Индия, Китай. В принципе, если продлить тенденции, которые наметились, спрос окажется очень дифференцированным. Есть спрос на людей, выполняющих четыре действия арифметики и умеющих читать, на людей, которыми можно манипулировать с помощью телевизора. Это очень опасная тенденция, и никому из нас, по-моему, не хочется оказаться в таком тупике. Поэтому по возможности надо не тянуться за этим спросом, а дополнять его некой целенаправленной политикой социальной мобильности и социальной консолидации — то, что упущено на самом деле и что крайне опасно. Положение России через

30 лет будет зависеть от того, насколько в ближайшие 10 лет удастся в этом направлении хоть как-то продвинуться.

Теперь о технологиях образования. Я думаю, что действительно будут распространяться технологии дистантные и экономичные. Наметилась революция в образовании, технологическая революция, подобная тому, как это было когда-то в промышленности. Можно для сравнения взять здравоохранение, которое преобразилось почти на наших глазах. В начале XX в. оно было таким же ремеслом, как и ткацкое дело в XVII в. А сегодня здравоохранение — это индустрия. В Соединенных Штатах это индустрия больше, чем любая из отраслей промышленности, в том числе по фондовооруженности. С образованием, не уверен, что теми же темпами, но что-то похожее будет происходить. Опыт здравоохранения в этой связи подсказывает кое-что очень интересное. Когда здравоохранение было ремеслом, в XIX в., казалось, что можно в качестве примера социальной справедливости дать всем одинаковое медицинское обслуживание. Кстати, Советский Союз первым это успешно осуществил. Под нормальным здравоохранением подразумевается возможность любого человека прийти к любому врачу, который стетоскопом послушает, а если, не дай Бог, аппендицит, с помощью скальпеля его вырежет. Индустриальная революция привела к тому, что на самом деле здесь произошло внутреннее расслоение, возник широчайший спектр услуг, в том числе дорогих.

Будет ли это в образовании? Или, скорее, все сведется к стандартизации? Но тогда сразу возрастет значение каких-то островков элитного образования, появятся специфические элитные услуги. Это тоже требует направленных усилий не по экспорту услуг, а некой политики создания интеллектуального потенциала. И еще одно обстоятельство. Опять же здравоохранение, которым я когда-то занимался, подсказывает: технологическая революция привела к маркетизации. Выходит противоречивая тенденция: с одной стороны вроде бы доступность увеличивается, а с другой стороны, расширение спектра, разнообразия бюрократизма приводит к все большему усложнению экономических рыночных отношений.

Я.И. Кузьминов

Итак, спрос экономики на образование. Давайте я попробую сформулировать некую гипотезу. В требованиях платежеспособного общества к системе образования в настоящее время происходит достаточно ощутимый сдвиг. Это сдвиг от потребности в «людях с дипломом» (скажем, Московского университета), к поиску людей, которые обладают конкретными умениями. Не просто *знают*, но и *могут*. В этом есть достаточно серьезные противоречия.

Кроме того, развитие экономики сейчас определяется переходом к так называемой новой экономике. Фактически это такие отрасли, которые завязаны на уникальном человеческом опыте и используют уникальный человеческий капитал. Эта новая экономика диктует рынку образовательных услуг свои правила. Возникает явный спрос на то, что человек должен владеть совершенно конкретными знаниями и умениями. Резко возросла ценность бизнес-аналитики, например.

На самом деле, ничего нового в этих тенденциях нет. Если мы с вами обратимся к 1950–1960-м гг., то обнаружим, что тогда тоже были востребованы конкретные умения. Мы сталкиваемся с тем, что система образования реально отвечает на совершенно конкретный узкоспециализированный запрос экономики.

Можем ли мы говорить, что у нас какой-то слом тенденций? Мне кажется, что нет, не можем. Мне кажется, что радикальных изменений в востребованности и первого, и второго секторов образования не произойдет. Это просто наш спрос на творцов и исполнителей.

И.Д. Фрумин

Ведь дело в том, что в индустриальной экономике больше всего востребуются универсальные навыки (например, рабочий-много-станочник), которые приобретаются, как правило, в процессе производственного обучения. Сегодня в развитых постиндустриальных странах востребован профессионализм. Новая экономика не является сферой, где требуется массовый Леонардо да Винчи, но там нужен сборщик компьютеров, узкоспециализированный инженер и т.д. и т.д. и, конечно, незначительная часть творцов, которая была всегда и всегда будет. И это действительно важно, потому что в зависимости от пропорции надо выстраивать стратегию.

У нас есть три сектора рынка труда: рынок труда уникальных навыков, рынок труда стандартных навыков и рынок труда без квалификации. Последний явно сужается. Это объективный процесс, охвативший весь XX в., и, безусловно, такова общая тенденция. Это означает, что люди, которые не смогли в силу отсутствия способностей получить какую-либо квалификацию, будут востребованы все меньше и меньше.

Есть еще одна тенденция — рост темпа смены технологий. Нередко приходится слышать, что срок жизни технологий уменьшается и сейчас имеет продолжительность два-три года. Такие данные существенно модифицируют представление, скажем, о Бауманском училище.

Сама дихотомия относится к индустриальному периоду в образовании. Если же мы посмотрим, что произошло, например, с на-

шими чертежниками, то поймем, что буквально в течение пяти лет эта профессия просто исчезла. И в этом смысле, как мне кажется, магистральная тенденция на рынке труда — запрос на каждое рабочее место все более и более квалифицированного человека, способного выполнить довольно специальную работу. А с другой стороны — высочайшая мобильность. На самом деле, мы знаем немало случаев, когда люди с высшим образованием, неважно каким, оказывались более адекватными на самых неожиданных местах, чем люди, которые специально для них готовились. Например, сотни учителей, или даже десятки тысяч, работают сейчас разного рода секретарями, офис-менеджерами и т.п. Они изучали биологию, химию и другие науки — именно образование позволило им очень быстро освоить другую профессию.

А.А. Пинский

Мне кажется, если говорить о тенденциях и что-то прогнозировать, то нужно сказать, что образование будет дифференцироваться, разделяться на два крупных потока. Один — это базовое образование, широкое образование. Но будет лавинообразно расти и то, что у нас называется дополнительным профессиональным образованием. И в этом смысле, по-моему, перспектива у нас очень невеселая. Прежде всего потому, что предприниматели не привыкли вкладывать средства, а существующая государственная система — осколки дополнительного профессионального образования — предельно и очень жестко организована и регламентирована.

Растет не только сам сектор дополнительных образовательных услуги, идет бурный рост услуг по сертификации квалификаций.

Это уже не просто покупка бумажек — это всевозможные экзаменационные агентства. Возникла индустрия подготовки к экзаменам. Можно привести аналогии с ЕГЭ. Один из жестких прогнозов: старшие классы в итоге отомрут, а вместо них будут существовать ЕГЭ и бизнес-структуры по подготовке к ЕГЭ.

Важным остается вопрос о том ключевом основании, которое может быть положено в фундамент намечаемой типологии вариантов и сценариев. Что это за слово? «Свобода» применительно к школе или «творчество»? «Возвращение государства» или «вариативность»? Практически за каждым из этих слов стоит целая серия дискуссий, начиная с середины 1990-х гг. и до 2001 г. Сегодня мне представляется, что это слово найдено, и я готов его вам предложить, хотя его и произнести боязно. Это слово «рынок»! И я убежден, что все главные магистрали и основные сценарии изменений в школьной системе зависят от того, придет или не придет в школьный сектор рынок, и если придет, то в каком качестве! Как ответ —

реальный, действенный ответ — на те запросы или тенденции, которые складываются вне школы, а именно в обществе, в экономике, в любом внешнем контексте? Мы зачастую говорим: вот на рынке труда происходит то-то, в производственной сфере экономики происходит то-то, в бизнесе происходит еще что-то. И мы считаем, что образование якобы каким-то естественным саморегулирующимся способом под это будет подстраиваться и обретать свою адекватность? Но главная-то проблема и трагедия применительно к школьному образованию заключается в том, что в нем эти институты рынка не действуют, и поэтому его подстройка под те или иные общественные, экономические процессы происходит крайне инерционно.

Необходимо оговориться, что под рынком я понимаю информационную систему конкурентного взаимодействия производителей и потребителей различных благ, в том числе и образовательных. Итак, я произнес слово «рынок», значит, я считаю, что основных сценариев по этой логике может быть три.

Первый — это своего рода инерционный сценарий, но с элементами модернизации, принципиально не рыночный, когда школа идет, как сейчас, по линии модернизации, несколько растет бюджетное финансирование, может быть, неоднократно корректируются, оптимизируются механизмы бюджетного финансирования, происходит оптимизация образовательных стандартов с сохранением прежней их логики и формата. Здесь не преодолевается существующее отчуждение общества от школы. Пример Я.И. Кузьмина: в одной знаменитой московской школе 40% детей сейчас оформляются на экстернат в старших классах. Значит, продолжается и процесс обрушения основных фондов. Или история с противопожарной безопасностью — абсолютный тупик, потому что вдруг начали предъявлять требования об обеспечении действительной пожарной безопасности, что абсолютно нереально по существующим, и даже несколько смягченным, бюджетным ограничениям. Хотя с другой стороны, как мне говорят те же самые регионы: аптеки пустили в рынок, и никто не устраивает всероссийскую кампанию по обеспечению пожарной безопасности аптек, они без проблем все это решают.

Второй сценарий может быть радикально рыночным. Я слышал, что опять активизировались идеи, в том числе проводимые через Минфин, о фактической приватизации большей части школ, образовательных учреждений. Если в школьном секторе эту идею реализовать, то у нас произойдет очень резкое расслоение школы и образовательного процесса по качеству и по материальной обес-

печенности, произойдет заметное включение предпринимательских кругов в школьный сектор, поскольку рынок по своей емкости очень велик — уже сегодня более 10, а при определенных условиях достигнет и 20 млрд. долл., я думаю. И в принципе значительная часть детей — от четверти до трети — просто выпадет из сферы школьного образования.

И третий сценарий — на условиях социально-рыночных, когда включается рынок, но со значительным государственным регулированием. Здесь происходит развитие реальных рыночных механизмов, но без тех или иных форм резкой приватизации имущества, происходит значительное увеличение внебюджетных денег в системе, что было и во втором варианте, но что, очевидно, отсутствовало в первом. Постепенно происходит качественная реальная трансформация всего образовательного предложения, т.е. стандартов и технологий, именно за счет активизации рыночных механизмов в разной связи влияния спроса на предложение. В заключение. Мне представляется, что пока мейнстримом является реализующийся первый сценарий, что неплохо, потому что ряд его позиций — от нормативного бюджетного финансирования — до общественного участия в управлении — на деле могут закладывать основу для третьего сценария. Второй сценарий я считаю политически мало реальным. Главный вопрос — будем ли мы, *de facto* реализуя первый сценарий, все-таки иметь в виду обозначенную временную перспективу, 7–10 лет, и третий сценарий прихода рынка в школьную систему со своими ограничениями и госрегулированием, или мы будем считать, что в сущности, эта фаза самодостаточна. Иными словами, будем ли мы проводить модернизацию саму по себе или модернизацию как своего рода увертюру реформы.

Е.Н. Пенская

Я бы хотела вернуть разговор к теме дискуссии. Но сначала предлагаю собравшимся краткое тематическое обозрение нынешней ситуации. Так же как А.А. Пинский увидел в понятии «рынок» магистральный сюжет развития образовательного пространства, на более коротком промежутке времени последних двух лет легко просматриваются отчетливые тенденции: сфера образования отчетливо тематизируется, причем смена этих тем происходит хаотично и незапланированно. Примерно раз в год происходит вброс тем: например, в 2001 г. такими темами были, если вы помните, 12-летка и компьютеризация школ, в 2002 г. — разгрузка школьников, в 2003 г., условно говоря, присоединение к Болонской декларации. Часть тем безвозвратно уходит в небытие, не оставив по себе какого бы то ни было внятного следа, часть продолжает крутиться, как

Д.Л. Констан-
тиновский

в рулетке. Так, про 12-летку забыли, про раннее начало обучения тоже. Школа вроде бы компьютеризируется, но тихо. Внедрение Интернета или информатики в качестве учебного предмета забыли — эта тема перестала быть актуальной. В прошлом году пробовали внедрить «основы православной культуры» — не получилось, тема ушла как-то, всколыхнув общество слабой волной дискуссий. Такая же судьба постигла «проблему нравственного воспитания».

Все инициированные дискуссии сводятся практически к одному — к обсуждению перехода из школы в вуз (до 80% московских школьников и где-то около 70% выпускников региональных школ ориентируются на поступление в вузы, во многом благодаря активной кампании в прессе, причем инициирована эта кампания, условно говоря, вертикалью власти). В результате этого процесса сейчас получились достаточно заметные кадровые перекосы, когда бюджетные деньги тратятся на обучение в высшей школе грузчиков. Подтверждение сбитых приоритетов в общественном сознании — структура кадровых запросов. В оборонке средний возраст рабочих — 57 лет, средний возраст учителей — 47 лет. Вообще проблема кадрового дефицита преподавателей — это, мне кажется, совершенно отдельная тема, и она тоже должна быть учтена в ходе выстраивания тенденций или сценариев. Слесарей шестого разряда просто некому готовить, потому что у самого мастера разряд — ну от силы второй. Значит, явно будет тенденция такой переориентации «направления главного удара», и общественное внимание будет переключено на профобразование среднее, специальное.

Вторая тенденция — это платное образование. Общество будет готовиться к платному высшему образованию. Если родители могут и хотят заплатить 500 долл. за образование ребенка, то эти деньги, наверное, необходимо привлекать, а не отметать их из соображений малости: дескать, за такие деньги образование дать нельзя. Если образование оплачивается, то, естественно, ответственность за него будут делить и гражданин, и государство. Менее важна тенденция воспитания в родителях чувства налогоплательщика; школа содержится государством, это бюджетные деньги, которые формируются за счет налогов с граждан, т.е. как бы с самих родителей. Вот хотелось бы еще как-то «отнестись» к тому, что сказал Анатолий Аркадьевич Пинский. Если речь заходит о том, что в системе образования оказываются образовательные услуги, то необходимо будет работать над соотношением параметров «цена — качество», воздействием на выбор клиента и т.п. Кстати, проблема коррупции на вступительных экзаменах напрямую связана с проблемой платного/бес-

платного образования. Логичнее платить в рассрочку, т.е. за каждый год, чем всю сумму сразу без гарантии получения результата — диплома. Как показывает статистика, проплаченные абитуриенты скорее всего отчисляются из вузов, стало быть, родительские деньги не превращаются в целевую инвестицию.

Е.Н. Пенская

Очень важна тенденция прихода бизнеса в образование. Если не только крупный, но и средний бизнес берет на себя социальную ответственность, то вполне естественно выстраивать отношения с ним и в сфере образования не посредством продажи государственных вузов в частную собственность, а путем привлечения дополнительных частных ресурсов. Возможны, по аналогии с практикой на предприятиях, когда там создаются летние рабочие места, спецзаказ на студентов, финансирование определенных программ и грантов. Ну и наконец, последнее. Все напряженной будут выстраиваться отношения, связанные с дифференциацией образования, ожиданиями в обществе и тенденцией государства к унификации и контролю самых разных ветвей образования. Обратите внимание: мотив всех заявлений министерства последнего времени универсален: все, что можно, решаем мы. И на самом деле, необходимо осуществлять такое функциональное управление, т.е. координировать программы, соединять инвестора и объект инвестиций. Наверное, в эту сторону и будет в позитивном плане развиваться взаимодействие разных типов образования, разных структур и государства. В обществе формируется восприятие непрерывности процесса обучения, тем социального, этнополитического, нравственного в образовании. В интеллектуальных дискуссиях звучит тема самопроектирования, которая обсуждается в связи с Болонской декларацией. Возможно, изучение механизмов запуска процессов саморегуляции и самореализации, стимулирующих взрослого успешного человека к получению дополнительного образования, позволит понять ценностные ориентиры, которые будут складываться в обществе.

Кроме того, в заключение вместо предложения энного сценария или вектора тенденций, хотелось бы поставить фундаментальный вопрос, на который у меня нет ответа. Насколько тенденции в современном образовании отвечают одной из самых опасных угроз в мире, который уже сегодня находится в состоянии войны? Надо сказать, что это одна из фундаментальных тем, в обсуждение которых вовлечены образовательные структуры на Западе, в Америке. Уроки и последствия 11 сентября множатся. Необходим ответ на эти угрозы. И он может быть обнаружен в плоскости образования. Тем опаснее, на мой взгляд, противостояние и разрыв двух

Е.Ф. Сабуров

образовательных систем — американской и европейской. Тем острее необходимость для России найти свое место, когда война в XXI в. стала реальностью и перераспределила все границы.

Если мы действительно вступили в имперский мир и выходим из ситуации национальных государств, то прежде всего мы должны понимать, что империя не характеризуется границами. В отличие от национальных государств, империя всегда характеризуется стремлением к экспансии, и образование для империи всегда было инструментом экспансии и инструментом влияния, а сейчас влияние значит больше, чем любые территориальные приобретения. Поэтому образование становится довольно серьезным средством в войне, которую действительно мы ведем. Мы не осмыслили эту войну, потому что пока что выдаем средство ведения войны за противника. В этой ситуации нельзя говорить о каких-то тенденциях развития образования, потому что не осмыслено, что, собственно говоря, будет с обществом. Если мы говорим о спросе на образование, то с чьей стороны? И что это будет за общество? Представляется, что масштабы дифференциации общества значительно больше, чем мы даже можем себе представить. Действительная дифференциация заключается в том, что педагоги называют компетенцией. Ни социальная, ни имущественная дифференциация не будут выдвигаться так сильно, как дифференциация компетенции. Если сейчас называется чудовищная цифра, что ВВП в Соединенных Штатах наполовину создается 3% населения, а наполовину остальными 97%, и утверждается, что такая же тенденция существует в продвинутых российских корпорациях, то суммы доходов от 3 и 97% равны. Причем это отнюдь не рвачество какое-то, а реальная оценка вклада.

Это очень серьезно, и на самом деле означает сосуществование двух типов населения со своими средними, богатыми и бедными. Мы знаем, что даже в центре империи социальная стратификация огромная: американцы практически говорят о двух народах, населяющих одну и ту же страну. И если по многим показателям они лучшие в мире, то по многим показателям они и худшие — по показателям социального расслоения, например.

Россия, на самом деле, в течение 10 лет в значительной степени потеряет свои природные ресурсы. Они станут труднодоступными, возникнет большая сложность с добычей, поэтому те преимущества, которые мы сейчас имеем, мы потеряем. Может быть, нас будут подкармливать насчет образования, чтобы потом брать кадры, как было с Индией и некоторыми другими странами? Но мне

кажется, что этот сценарий маловероятен. Значит, что будет происходить? Образуются совершенно разные два вида потребления образования, мало связанные друг с другом. Естественно, то, что называется национальной элитой, будет ориентировано на выезд. Эта национальная элита полностью проигнорирует систему образования в том виде, в котором она у нас существует, и не будет ею пользоваться. Мы видим, как сейчас внесистемное образование закапывает старшую школу, и уже нет никаких способов как-то это задержать. Умирай и все.

Что же касается основного населения, то будут предъявляться простые требования социального мира. Думаю, что возникнет высшее образование кочегаров. Я считаю, что «оператор машинного доения» — это гениальное советское изобретение, которое, вместо пошлого «доярка», *будет* востребовано. Это должно быть серьезной работой, направленной, в случае высшего образования для кочегара, на подтверждение социального статуса. Иначе мы допустим то, чем наша страна славится — бунт бессмысленный и беспощадный. Будет ли в таких условиях осуществляться совершенно необходимая социальная диффузия путем социального перемешивания? Я думаю, что она будет крайне затруднена, и, так же как по жилью, мы не сможем остановить процесс сегрегации. Это очень печально, потому что, на самом деле, образование — это действительно такой продукт, где социальная составляющая абсолютно превалирует. Вот на такой малооптимистической ноте я бы и остановился.

Д.Л. Констан-
ТИНОВСКИЙ

Если позволите, я очень коротко, поскольку мы все время к этому возвращаемся, прокомментирую один вопрос. Да, конечно, в образовании имеет место рынок, и не только в образовании, всюду он существует. Просто в образовании очень ярко выявляется денежная мера, причем деньги — это не просто наличность. Имеется в виду отчужденный от человека безличный ресурс, который может передаваться другому лицу. Соответственно если все решается согласно распределению этого ресурса, то абсолютно неизбежно воспроизведение однажды сложившейся социальной стратификации. Но на самом деле в образовании — особенная реальность рыночного обмена, где цена — это как составная. Вопрос: учитывается или не учитывается, во-первых, человеческий капитал (знания, способности — человек пришел со своим капиталом)? Если просто что-то покупается за деньги, как билет в кино, если не экзаменуют, то без разницы, с чем человек пришел, но в образовании это всегда имело значение. А во-вторых, конечно, всякого рода «социальные поддержки». Они очень разнообразны, целый спектр, причем

это и политика государства, например отрицательная дискриминация, плановая поддержка — все то, что поступает в обмен. На самом деле речь идет об информационных сигналах. Чем мы можем управлять? Тем, как эти сигналы модифицируются, и тем, как они учитываются. Это долгий разговор, но поверьте, здесь много возможностей. Учитываются и общие знания, и специальные навыки. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не навыки забивания гвоздя, а некие востребованные специальные навыки и некие общие социальные навыки, которые наша система образования очень плохо дает и очень плохо продает, в то время как они очень востребованы на реально складывающемся образовательном рынке. Ну и наконец, определенные «фикции». Они тоже разные: от купленного в переходе диплома до каких-то социальных знаков. Так вот, все это — рынок. Я повторю: если мы понимаем его как-то слишком однозначно, огромная часть реальности остается вне поля нашего зрения. То есть управлять надо всем этим вместе, а это очень сложная задача. Я не хочу затягивать свое выступление, но эту сложность должен был подчеркнуть.

Очень часто приходится слышать, как неправильно ведут себя авторы образовательной реформы. Я должен сказать, что кроме различных форм социального разбирательства есть и другая идея — идея своего рода социологического просвещения. Дело в том, что в системе образования нужен не только, а может быть, не столько тот PR, который сейчас есть. Нужно разъяснять, что на самом деле происходит в сфере образования, какие механизмы действуют и т.д. Это не скрывается, конечно, но просто и не объясняется по-человечески. По своему опыту знаю, что это сложнейшая задача, такие материалы легко читаются, но готовятся месяцами, годами. Это очень тяжелая, но мне кажется, что это и очень благородная задача. Скажем, мы здесь друг друга понимаем, еще есть какой-то круг людей, которым объяснят, но большинство людей, которых реально все это касается, находятся в сфере мифа. И вот эти мифы можно сменить на реальные представления — только какие?

Я.И. Кузьминов

Все выступавшие сходятся в том, что образование ожидают серьезные изменения. А дальше высказывались разные прогнозы. Но по сути, у нас будет какая-то вилка между усилением узкой специализации и расширением в пользу более общих навыков. То, что будет происходить у нас с образованием, будет аналогично, на самом деле, вещам, с которыми цивилизация уже имела дело. И Россия имеет определенный шанс.

Я хотел бы специфицировать категории рынка и спроса на образование в России. Что мы могли бы прогнозировать на рынке России, какие изменения? Нарастание новых тенденций спроса на общее образование: новые навыки, компьютерные навыки, английский язык. Безусловно, будет рост спроса на навыки по экономике и праву. Будет резко снижаться спрос на ПТУ. Работодатели в массовом порядке отказываются брать кадры из ПТУ, не потому даже, что опасаются, что они ничего не умеют, а потому, что они их самих боятся. Это первый сдвиг, который я здесь предвижу, и очень серьезный. Второй сдвиг, тоже очень весомый, это сдвиг в пропорции между, как сказали бы при советской власти, производительным и непроизводительным трудом.

Вопрос в том, сумеют ли потребности экономики отстроить такую систему подготовки кадров конкурентоспособного уровня? Это сейчас очень серьезная проблема. У нас плохие гостиницы, у нас плохие турагентства, у нас плохие магазины, мы никогда не привлечем к себе денег через эти сектора. Ведь наши сограждане ежегодно оставляют несколько миллиардов долларов за рубежом, потому что им не хочется испортить себе отпуск и отдыхать в России. Иногда 30%, иногда 25% заработанных за год денег они спускают в более развитых в этом отношении странах. Проблема очень болезненная, и я думаю, что так или иначе произойдет структурная адаптация ко всему.

С тех пор как наша наука не делает никаких продвижений, и с тех пор как у нас начался серьезный отток кадров из науки и высшего образования, преподавать нам на «выпускном» уровне системы образования, которому следовало бы подпитывать новую экономику, в сущности, нечего. Причина не только в том, что действительно ничего не делалось, но и в том, что мы до сих пор имеем дело со взглядами старых советских экономистов, которые не просто Маркса повторяют, а мыслят в категориях XIX в. В чем здесь выход?

Выход здесь именно в инверсной интеграции, интеграции в империю путем дистантного обучения, путем выезда и учебы там, путем возвращения, потому что только те, кто вернулся оттуда, будут здесь что-нибудь строить и делать внятное хорошее на уровне хай-тека. Что же касается проблемы «дайте нам живого учителя», то, я думаю, что она как раз не безнадежна, потому что технология образования, на мой взгляд, должна измениться очень кардинально, и должна произойти некоторая дифференциация преподавателей: тот, кто задает задачи, а это может быть сделано дистантно, и тьютор, который возится здесь с детьми.

Итак, на мой взгляд, социальный заказ на образование должен меняться в двух плоскостях. Первое — это значительное расширение

поля общего образования, выход его за рамки школы. Это общее социализирующее образование во всем мире. Следующий предварительный вывод, который я бы сделал, — это необходимость резкого обновления квалификации, ограничения срока дееспособности полученной конкретной квалификации. Люди, которые получили квалификацию, должны быть готовы постоянно ее обновлять. И в этом отношении есть явная тенденция фундаментализации высшего образования и любого другого образования, претендующего на то, что его получение будет гарантировать профессиональную квалификацию. При этом конкретные навыки каждой квалификации должны даваться не столько в учебном заведении, сколько на предприятии или в каких-то коммерчески организованных структурах. Поскольку здесь существует выраженный денежный интерес, нет никакой необходимости субсидировать это за счет общественных фондов.

Что касается структуры образования, в ней должны произойти большие сдвиги в области профессий, обеспечивающих сервис. Мы долго обсуждали, что такое сервис, и пришли к выводу, что это те квалификации, которые требуют непосредственного контакта с людьми. Резко возрастает доля квалификаций, доля рабочих мест, которые относятся к сфере обслуживания. От этого будет гораздо более востребован социальный аспект такого образования, даже в секторах продавцов, дежурных по общежитию и т.п.

А.А. Пинский

Для себя я сформулировал главный вопрос следующим образом. Гете говорил: относительно одной и той же вещи можно ставить вопрос на уровне «что», а можно ставить вопрос в разрезе «как». Мы можем рисовать довольно разные онтологии образовательного пространства. Мы можем пытаться предугадать, вычислить, обосновать, какая картина лучше, какая картина больше соответствует рынку труда или экономическим трендам, или общественному сознанию и т.д. Но я хотел бы сейчас обозначить, может быть, в постановочном плане, сопряженную проблему. А именно — «как». Ярослав Кузьминов приводил около месяца назад в своей статье в «Учительской газете» такую цифру: в сфере обслуживания у нас занято почти 60%. Соответствующая доля в среднем профессиональном образовании составляет 1,1%. В высшем — 3–4%. Мы можем говорить сколько угодно, что вот такая образовательная ситуация чему-то не соответствует, но возникает вопрос: а как от этой дисгармоничной ситуации можно мыслить переход к более адекватной?

Рынок выравнивает такие диспропорции на долгосрочных и среднесрочных интервалах времени. Если, применительно к школьной сфере, механизм рыночной регуляции отсутствует, ибо

отсутствует рынок, то тогда встает вопрос «как?» Тогда, получается, единственная возможность — это некий линейный управленческий ход. Некий умный N, неважно кто, придумает нечто, вменит это некоему обер-управленцу в обязанность, и тот по управленческой вертикали реализует более адекватный проект и эту онтологию выстроит. Однако система управления применительно к школьному сектору образования, по крайней мере на сегодня, такова, что эта вертикаль не работает. И поэтому для меня главным остается вопрос: если мы табуируем, по политическим соображениям или по традиции, идею рыночной регуляции в образовании, то каким образом мы будем приходить к сбалансированной и более гармоничной ситуации 2013 г.

Л.И. Якобсон

Я позволю себе заполнить паузу попыткой короткого ответа на то, что прозвучало. Проблема не в том, что мы что-либо табуируем. Экономика не слишком строгая наука. Однако в некоторых случаях она достаточно строга. Приведу пример. В случае школьного образования локационная эффективность не максимизируется на основе свободного действия рыночных сил. Поэтому практически везде действие рыночных сил в этой сфере (вообще в сфере образования, а школьного — особенно) ограничивается. Соответственно ответ на вопрос «как?» неудовлетворителен, но лучшего, к сожалению, нет — есть некоторый шанс при условии разумной политики. Никакого ответа на этот вопрос не придумано, и, более того, экономическая теория действительно исключает какой-то иной ответ. Другое дело, и это очень существенно, что политика сама по себе не есть некая благодать, исходящая от неведомого существа. Она определяется людьми, определяется тем, что экономисты называют общественным выбором. Очень важно, что в этом общественном выборе мы и представлены. В огромной степени наши проблемы производны как раз от того, что образовательная политика — это некое корпоративное дело людей, работающих в сфере образования. Кстати, это касается не только школьного образования. Допустим, перекося между высшим и средним специальным образованием, о чем я не устаю говорить, в огромной мере объясняется (с точки зрения теории общественного выбора) совершенно примитивно: высшее образование гораздо полнее репрезентируют. И то, и другое — все это профессиональная корпорация, что, в принципе, ведет к субоптимальным решениям. Но существует еще и очень несимметричное представительство разных сторон этой профессиональной корпорации. Высшее образование — соответствующая корпорация — репрезентируется очень активно, среднее специальное — слабо.

Возвращаюсь к школьному образованию. Здесь самый трудный вопрос тот, которым Анатолий Аркадьевич Пинский много занимался. Это общественное участие. Очень многое, к сожалению или к счастью, зависит от того, как в целом устроено формирование государственной политики. Я, например, предлагал — в шутку, не веря, что это возможно, — провести эксперимент: министрами и членами Комитета по образованию, или здравоохранению, или науке может быть только тот, кто ни дня в этой отрасли не работал. Я вполне серьезно думаю, что это будет не то чтобы хорошо, но будет существенно лучше, чем сегодня, если такой запрет будет.

И.Д. Фрумин

Мне кажется, можно говорить о том, что в моделях реализации стратегии, которые мы до сих пор рассматриваем, мы видим двух возможных субъектов — государство с его усиливающейся вертикалью власти и бизнес. О чем, как мне кажется, говорит Лев Ильич Якобсон: существуют другие механизмы реализации общественных и индивидуальных устремлений, потребностей, интересов. А именно то, что даже слова «демократия» или «общественность» в России начинают приобретать иронично-неприличный характер. Поэтому я буду использовать английское слово, а именно, слово «public». Когда мы переводили на заре перестройки российские образовательные тексты, и называли школы state schools, нас просто не понимали, потому что это public organization, управляемая особым образом. И этот non-profit сектор, неприбыльный, некоммерческий и контролируемый общественностью (извините за это слово), растет. И поэтому, например, я был совершенно поражен, узнав, что в Англии существуют два частных университета, т.е. действующих в абсолютно рыночной ситуации. Интересно, что BBC является public organization, и сейчас это стало ясно видно. Мне кажется ошибочным выбор между государственным и коммерческим. Потому что на рынке действует механизм (пусть экономисты меня поправят) максимизации прибыли. А здесь, в общественном секторе, действуют другие механизмы. В условиях федеративного государства отношения федерального и региональных уровней в некотором смысле напоминали отношения государства и общества. Там возникали противоречия внутри государственной структуры. И за счет этого появлялись открытые каналы коммуникации, дискуссии, необходимости договариваться, а не только жесткое иерархическое подчинение. С усилением вертикали власти и этот важный дискурс начинает уплощаться, что вполне логично, но с точки зрения общей ситуации, коммуникации и общественной дискуссии это очень тревожно, потому что этот образующийся вакуум ничем не заполняется.

А.А. Фурсенко

Три вопроса, которые мне самому интересны, может быть, имеют отношение к тому, что мы обсуждаем. Первый вопрос, с которого начинали: чего не хватает. 15 лет назад я получил первый официальный пост — был назначен начальником обучающего центра в одном институте. Тогда была очень дефицитная специальность — оператор ЭВМ. И когда через два года я начал объяснять: бегите куда угодно, учитесь чему угодно, потому что еще два-три года и все кончится, на меня обижались. Сегодня я уже не знаю такой штатной единицы. Страшный дефицит — это квалифицированный люди, как вы сказали, с новым инструментарием. Грубо говоря, станочники — тоже дефицит. Но это вчерашний день. Они дефицитны, потому что вдруг оказалось, что надо тачать детали, а этого уже никто не умеет и не может. Старые разбежались, новые не научились. На самом деле, их ищут, но это не вопрос образования. А вот люди с новым инструментарием... Например, есть сейчас системы подхода к созданию новых технологий, новых изделий. Они нуждаются в технологах с инструментарием программистов, специалистов по софту, понимающих при этом материал, предмет. Сколько бы мы не говорили о многоуровневой системе подготовки — этих специалистов сегодня нет. В новых экономических структурах, малых и средних предприятиях, эти люди сегодня — самый страшный дефицит. Мои бывшие коллеги повторяют мне, что некому работать. Причем они хорошо понимают: если на старых оборонных предприятиях можно опять поставить всех к станкам, и это их устраивает, то новые структуры это не устраивает абсолютно. Поэтому я считаю: на ближайшие три — пять лет в таких работниках будет достаточно большой недостаток, но создавать стратегию, основываясь на этом, может быть, и неправильно, потому что это потребуется, но со временем пойдет, видимо, на спад. Если бы лет пять назад мы поняли, в чем будем сегодня нуждаться, те вузы, которые сегодня уже имели бы выпускников этой специальности (я перейду потом к вопросу рыночных ниш) могли бы очень неплохо, как сейчас говорят, приподняться. Потому что это спрос, который оплачивается. Предприятия готовы платить за этих людей.

Что касается послезавтрашнего дня, я согласен с Ярославом Кузьминовым, что это вопрос сервиса, основанного на идее гуманитарных технологий. Сервис должен быть основан не на знании технологии, а на знании социологии, психологии того, кто обслуживается. Это будет востребовано, я думаю, у нас в России лет через пять — семь. Это действительно потребуется всерьез, когда начнется конкуренция. Сегодня технологические знания достаточны

для того, чтобы уже удовлетворять определенным требованиям. Лет через пять этого будет недостаточно. Начнется конкуренция на следующем уровне.

Теперь второй вопрос: хотим мы этого или не хотим, мы все равно будем говорить об образовании как о рыночном продукте. Если рассматривать образование как рыночный продукт, то и подходить к нему надо, как к нормальному рыночному продукту. Должна быть маркетинговая политика. То есть: кому это надо, кому это можно продать и можно ли это продать? Какие есть зоны, в которых мы можем быть успешны с точки зрения продажи? Какие рынки нас ждут? Я в свое время был большим любителем фантастики. И было несколько фантастических рассказов о том, как при подготовке специалистов не успевают вложить им нужные знания, потому что вскоре становятся нужны совсем другие. Это времена, может быть, и будущего, но не очень далекого. Я могу сказать в качестве комментария, что сегодня реальный брэнд, серьезный брэнд образования, за который платят деньги, — это брэнд американского образования. И все хотят это американское образование иметь, как я понимаю, не столько потому, что это замечательное образование, сколько потому, что это хороший рыночный продукт. При этом надо очень серьезное внимание уделять вопросу продвижения брэнда европейского образования, частью которого является российское образование. Как его поднимать? Объяснять ли, что мы спутник запускали и до сих пор можем запускать, или еще как-то — это отдельный вопрос. Но надо действовать этими методами, так как работать на рынке, делая вид, что, поскольку у образования есть своя специфика, то можно нерыночными методами действовать, бессмысленно.

При этом опять же если говорить о выгодности образования, то выгода тут не столько прямая, сколько косвенная. Важно не то, сколько ты продал специалистов за определенную сумму. Я, например, считаю, что продвижение наших технологических стандартов через образование гораздо эффективнее, чем через любые другие каналы. Например, мы до сих пор достаточно успешно продаем оружие. Это связано с тем, что мы в свое время довольно много народа бесплатно обучили военному делу в самых разных странах. Кстати, многие специалисты, которые определяют сейчас политику в Китае, в Индии, получали образование у нас. Им наши стандарты усвоить проще, и это означает, что мы имеем дополнительный шанс на выигрыши тендеров. Я считаю, что об этом нужно говорить. И это надо объяснять крупному бизнесу: если ты будешь продвигать куда-то свои атомные станции или еще что-то, то имеет смысл оплачи-

вать обучение людей из этих стран. Причем не просто оплачивать подготовку людей, а подходить стратегически — думать, в какую страну через пять лет поместить свою станцию. Это вторая тема, которая имеет отношение к нашему разговору.

И третий вопрос — это вопрос методологии образования. Я хочу сказать, во-первых, по поводу РАН. Я вообще рассматриваю РАН как мощнейший образовательный фактор. Достаточно вспомнить лучшие институты РАН, который были и остаются. Другое дело, что этих институтов не 400, как сегодня пишут, а, скажем, 40. Это было и есть до сих пор уникальное образование энциклопедического характера, абсолютно не дисциплинарное. Все-таки в западных университетах, которые тоже не дисциплинарные, граница между различными факультетами существенно заметнее. А возьмите ту же химфизику, мой родной физтех питерский — там настолько были смешаны различные направления, что появлялась потрясающая возможность «создать» образование. То есть это была следующая стадия образования. Как они могут и должны трансформироваться — это отдельный вопрос. Но я просто хочу, чтобы мы помнили: так исторически сложилось, что у нас в рамках РАН создалось несколько абсолютно потрясающих образовательных зон. Это наши зоны совершенства. Дурацкие, может быть, с точки зрения экономики, но абсолютно выдающиеся с точки зрения жизни. Других таких просто нет. Теперь вторая методологическая вещь. Я считаю, что у нас в образовании сегодня плохо отработан интерфейс между образованием и требованиями экономики. В советское время были базовые кафедры, которые сидели в крупных НПО, в крупных академических, оборонных институтах. И это был очень мощный интерфейс, причем очень рабочий. Сейчас перспектива в значительной степени связана с возникновением инновационного бизнеса, т.е. малых фирм, на основе которых образуются какие-то кластеры и т.д. Интерфейс между этими малыми фирмами и образовательными структурами, с моей точки зрения, неэффективен. Все технопарки, которые сейчас существуют при вузах, созданы были под другую задачу. Они были созданы в свое время, чтобы еще по одному каналу получить государственные деньги. И в общем, в полной мере с тех пор не перестроились. Мне кажется, что создание базовых кафедр при элементах инновационной структуры могло бы методологически обеспечить переход постоянного образования в эффективное базовое образование.

Кроме того, часто принципиальную роль играют не столько знания, сколько обеспечение выявления способностей. Мне кажется, что это в первую очередь связано с социальными науками.

Предпринимателя обучить быть предпринимателем невозможно. Его можно обучить быть менеджером. Он исполнительный, хороший, его можно сделать еще лучше. У предпринимателя можно только *выявить* соответствующие способности. Должна существовать определенная мотивация предпринимательства. Вообще говоря, необходимо его воспитывать. Это не с неба берущиеся способности. Я говорю не о том, что «как выросло, так выросло». Речь идет о немного ином подходе. Если брать технолога, то ему нужен набор правильных знаний. А здесь просто набором знаний не обойтись. И я думаю, что это тоже связано в значительной степени с социальными моментами. С точки зрения методологической я не очень понимаю, как это можно оформить. Но, по-видимому, это необходимо сделать. И если эта необходимость будет проявляться не завтра, то уж послезавтра точно.